

На резной кровати с легкими шелковыми занавесками Гу Шаобай спокойно спал. Его лицо было безмятежным, брови расслаблены, но на фоне его гладкой и белой кожи выделялись ужасные синяки и красные следы, а лоб был опухшим.

— Как он?

Му Цинфэн, не успев снять придворную одежду, сразу же спросил Чжоу Пина, стоящего у кровати.

— Молодой господин Гу, он...

Голос Чжоу Пина дрожал. Му Цинфэн увидел на тумбочке у кровати окровавленную, изорванную одежду и ужаснулся:

— Что произошло?

Чжоу Пин заплакал, его слезы были мутными:

— Люди, которые следили за домом Гу, сказали, что молодой господин Гу получил пятьдесят ударов семейного закона, был вычеркнут из родословной книги и изгнан из дома.

Он вытер слезы рукавом и впервые с горечью и гневом посмотрел на Му Цинфэна:

— Князь, это то, чего вы хотели?

Сказав это, он вышел из спальни.

Му Цинфэн стоял в оцепенении, его переполняли противоречивые чувства — горечь, боль, но не радость от того, что месть свершилась.

Спустя некоторое время он тихо сел на край кровати. Рука Шаобая лежала на одеяле, длинная и бледная, ногти были прозрачными, без капли крови. Он взял эту руку в свою ладонь и почувствовал ледяной холод. Шаобай на кровати слегка пошевелился, словно хотел перевернуться, но, обессиленный, отказался от этой попытки. Его лицо больше не было спокойным, брови слегка нахмурились, на лице появилась легкая печаль. Возможно, даже во сне он страдал.

— ...Я отдался тебе, потому что любил тебя. Я ничего не требую от тебя, и ты не должен чувствовать себя виноватым. Я буду с тобой столько, сколько смогу...

Эти слова все еще звучали в его ушах. Он вспоминал, как тогда воспринял их — с презрением, с внутренним смехом или с такой же болью, как сейчас? Пожалел ли он о случившемся? Нет, он пожалел не только его, но и себя.

Он тихо прошептал в душе: «Я давно пожалел об этом. Может быть, когда мы вместе играли на цитре и пили чай, может быть, после наших ночей любви, может быть, в день рождения, когда я услышал твои искренние слова, может быть...» Он покачал головой, пытаясь избавиться от этих мучительных воспоминаний, но понял, что они, как резьба по времени, навсегда запечатлены в его сердце. Ты не можешь просто захотеть, чтобы их не было. Он думал, что контролирует все, играет с людьми, как с пешками, но в итоге сам оказался в ловушке.

Вдыхая и выдыхая, он понял, что этот юноша стал частью его жизни. Нежные чувства, будь они тихими или шумными, уже пропитались сладостью, незаметно смягчив его холодное сердце.

Это ли жестокость времени или превратности судьбы, что все ушло так быстро, в далекие дали? Нет, это не они, это его собственное желание власти, возвышающееся над всем.

Одна мысль — и ты рядом, другая — и ты уже далеко. Одна мысль — и ты обнимаешь ветер и луну, другая — и оглядываешься назад, но все уже напрасно!

Гу Шаобай очнулся только через два дня утром.

Он открыл глаза, и комната была залита светом. Перед ним были знакомые зеленые шелковые занавески над кроватью. Это была спальня в доме Чжоу, где он бывал бесчисленное количество раз. В этой комнате они с тем человеком предавались страсти, играли на цитре, пили чай, смеялись и шутили, шептали нежные слова. То, что он считал любовью и нежностью, теперь казалось лишь кровавыми цветами, выросшими на ранах, оставленных временем.

Он попытался сесть, но от резкой боли, словно его тело было раздавлено гигантской рукой, невольно вскрикнул. В комнату вбежала девушка лет пятнадцати, милая и красивая:

— Господин, вы проснулись. Хотите поесть или попить?

Ее возраст и прелесть напомнили ему Цююэ. Он не знал, плакала ли она громко и горевала ли из-за его ухода. Она помогла Шаобаю сесть, подложив ему за спину толстую подушку из перьев.

— Кто ты?

Девушка звонко ответила:

— Меня зовут Сяомэй.

И вдруг, словно вспомнив что-то, добавила:

— Ой, я как раз варила кашу из лотоса!

И, как ветер, выбежала из комнаты.

Через некоторое время она вернулась с миской каши и, подув на нее, начала кормить его ложка за ложкой. Хотя аппетита у него не было, он не хотел огорчать ее и съел всю кашу.

— Сяомэй, откуда ты? Как ты здесь оказалась? — спросил Шаобай.

— Мои родители умерли. Перед смертью мама велела мне поехать в столицу к дяде, но когда я приехала, оказалось, что он уже переехал. Я как раз думала, куда устроиться служанкой, и встретила управляющего Чжоу, вот и оказалась здесь.

Шаобай понял, что эта девушка ничего не знала.

Теперь, наверное, весь город уже знал, что Гу Шаобай, казавшийся таким благородным, на самом деле был подлым человеком, готовым на любую подлость. Как Му Цинфэн мог прислать кого-то из своего дворца ухаживать за этим опозоренным человеком?

Он не знал, кто его сюда привез — может быть, Чжоу Пин, а может, Му Цинфэн. Он также не знал, какова была их цель.

Он вдруг горько усмехнулся. Теперь, когда все уже потеряно, зачем об этом думать? Пусть

будет, как будет, у меня есть свой путь, и никто не сможет мне помешать!

— Господин, чему вы улыбаетесь? — удивилась Сяомэй.

Шаобай потрогал губы и действительно почувствовал улыбку:

— Ничего, просто вспомнил что-то смешное.

Когда Сяомэй ушла, Шаобай снова осмотрел комнату. Все было так же, как и раньше, ни одна вещь не сдвинулась с места. В комнате витал легкий аромат благовония «Лилия Линлин». Его взгляд упал на древнюю цитру, стоявшую у восточной стены.

Преодолевая боль, он спустился с кровати, сел на пол и взял цитру, осторожно поглаживая иероглифы на ее обратной стороне: «Цзюсяо Хуаньпэй».

— Если тебе нравится, я куплю ее для тебя.

— Нет, спасибо. Эта цитра бесценна, Шаобай не заслуживает такого подарка.

— Тысячу золотых легко найти, а вот настоящего друга — трудно.

Эти слова все еще звучали в его ушах, но все уже изменилось. Он ненавидел себя за то, что не обладал мудростью. Если бы он был чуть более проникательным, возможно, не оказался бы в таком жалком положении.

Он сидел так некоторое время, и его разбитое сердце, покрытое бесчисленными трещинами, наконец развалилось на куски. Ему почудился звук разбивающегося стекла, и он испуганно поднял голову, встретившись взглядом с парой глаз, полных нежности.

Му Цинфэн стоял в дверях, неизвестно как долго:

— Тебе лучше?

Свет сзади окутал его стройную фигуру золотым сиянием, а легкая улыбка смягчила его жесткие черты. Его голос был таким же теплым, как всегда.

Шаобай смотрел на него, как на незнакомца, а затем снова опустил глаза на цитру.

Му Цинфэн ждал. Он думал, что Шаобай будет плакать, кричать, бить его, ругать. Тогда он бы успокоил его, извинился, пообещал быть лучше. Но Шаобай ничего не делал, просто сидел, не двигаясь.

— На полу холодно, вернись на кровать.

Он протянул руку, чтобы помочь ему подняться.

Шаобай легким движением отстранил его:

— Не трогайте меня, князь И, чтобы не испачкать ваши руки.

Му Цинфэн смущенно отдернул руку и смущенно сказал:

— Абай, если тебе что-то нужно сказать, говори. Бей меня, ругай, как хочешь, я...

Шаобай вдруг поднял голову и спросил:

— А что, по вашему мнению, я должен сказать?

— На самом деле... на самом деле, я действительно люблю тебя.

Му Цинфэн уже не думал о своем статусе. Он действительно страдал, действительно хотел вернуть его:

— Мы можем быть такими же, как раньше...

— Такими же, как раньше? Быть обманутым, позволять тебе играть со мной? Быть твоей игрушкой? Унижаться?

Шаобай усмехнулся.

— Нет, нет.

Му Цинфэн поспешно замахал руками, глядя на него:

— Я буду хорошо к тебе относиться!

Шаобай задумчиво наклонил голову, его выражение было невинным и милым. Он засмеялся:

— Остаться? В каком качестве? Как твой наложник, твоя игрушка или твой тайный любовник... или как пешка, которую ты использовал и пока не хочешь выбрасывать?

Он закрыл глаза, а затем снова открыл их. Улыбка исчезла, в его глазах не осталось и следа привязанности. Он вздохнул:

— Хватит, князь И, не стоит цепляться за меня. Теперь я опозорен и больше не имею никакой ценности.

<http://bllate.org/book/16730/1538450>